

ству общества у части российской интеллигенции, осознавшей себя как организованный класс пролетариат, неподвижный и очень активный революционный подъем крестьян и солдат, с непревзойденным мастерством использованный большевиками, неспособность русской буржуазии к революционным действиям – это сочетание интересов и сил опрокинуло плехановскую схему социалистической революции.

Правильность суждений Г.В. Плеханова о социализме подтвердили послереволюционные события. Он действительно знал, какие условия необходимы для создания гуманного, демократического социалистического строя, достижению которого он посвятил всю свою жизнь.

Вопрос о трансформации мирового сообщества XXI века в сторону социализма пока не снят. Но на него идет грозное наступление. Навязывание современному миру со стороны США либерализма с фундаменталистским креном – попытка окончательно избавиться от идей социализма. Это видно из того, что, проводя неолиберальную глобализацию, США существенно потеснили в Европе партии и лидеров социал-демократического направления.

XXI век должен ответить на вопрос: возможно ли достижение полного господства фундаментального либерализма в мире или все же остались альтернативы в виде трансформации человечества в сторону создания социалистической экономики в сочетании с демократией. Ответ на него зависит, в том числе, как ни это кажется теперь странным, от способности марксизма являющегося и по сей день наиболее всеобъемлющей теорией, объясняющей законы общественного развития, к новому интеллектуальному прорыву, такому же у истоков, которого когда-то стоял Г.В. Плеханов.

Литература:

1. Плеханов Г.В. Сочинения. - М.-Пг., 1923- 1927. Т.1, с.59.
2. Данный термин был введен Косолаповым Н.А. в докладе на конференции «Идейно-теоретическое наследие Плеханова и современность», 10-12 декабря, 2006 г.
3. Плеханов Г.В. Сочинения. - М.-Пг., 1923-1927. Т. 5, с. 133-134.
4. Плеханов Г.В. Сочинения. - М.-Пг., 1923-1927. Т. 5, с. 134.
5. Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. - М., 1974. Т.3, с.227.
6. Плеханов Г.В. Сочинения. - М.-Пг., 1923-1927. Т. 13, с. 203.
7. Плеханов Г.В. Сочинения. - М., 1927. Т.20, с.100.
8. Плеханов Г.В. Сочинения. - М., 1927. Т.20, с.131.
9. «Единство». 1 июля 1917 г. №78.

Г.В.ПЛЕХАНОВ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ К.МАРКСА И ТЕОРИИ ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ

Л.Д.Широкорад (Санкт-Петербург)

Юбилей крупных ученых всегда являются хорошим поводом для теоретического переосмысления, в том числе для критической переоценки их творческого наследия с позиций современности, с учетом современного опыта, который всегда

богаче и поучительнее, чем опыт, накопленный в более ранний исторический период. Как известно, внимание к Плеханову не было одинаковым на различных этапах отечественной истории. Еще при жизни он стал Учителем с большой буквы для широких кругов русской интеллигенции. В 1920-е годы было издано 24-томное Собрание сочинений Плеханова. В конце 1920-х годов был образован Дом Плеханова, который вошел в состав Государственной Публичной библиотеки в качестве ее филиала. В годы правления Сталина роль и значение теоретической и политической деятельности Плеханова всячески умалялись. Положение изменилось только после смерти Сталина. С середины 1950-х годов вновь нарастает общественный интерес к творчеству и личности Георгия Валентиновича, массовыми тиражами переиздаются его произведения. В постсоветской России Плеханов вновь оказался почти забыт. Его 150-летие не вызвало большого общественного резонанса.

Конечно, у Плеханова, при всех его заслугах, были и определенные недостатки, в том числе и такие, которые в советский период рассматривались не как недостатки, а как достоинства. В одном из писем П.Л.Лаврову он писал: "...я готов создать из «Капитала» Прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли»" (см.: Дейч Л.Г. Г.В.Плеханов. Материалы для биографии. Вып. 1. От народничества к марксизму. V. Приложение. М. 1922. С. 93). Это очень яркий штрих, показывающий, что «Капитал» Маркса был для него каким-то фетишем, воплощением абсолютной истины, тексты которого в принципе не могут подвергаться сомнению. В этом отношении, я думаю, не было никакой разницы между Плехановым и Лениным. Однако подобное отношение к любому великому учению наносит ему только вред, ибо мешает его творческому восприятию и развитию в соответствии с новыми историческими реалиями, мешает адекватной оценке явлений действительности. Учение, которое превращается в догму, теряет поэтому свою практическую значимость и фактически не может использоваться как теоретическая основа для принятия правильных политических решений, хотя, как правило, и продолжает претендовать на это. Именно это и произошло с советским марксизмом, который в конечном счете превратился всего лишь в идеологическое орудие правившей в СССР партийной верхушки. А ведь в 1920-е годы лучшая в мире, подлинно научная марксология существовала именно в СССР. Один И.И.Рубин чего стоит! Все эти замечательные марксологи не смогли уместиться в новое «прокрустово ложе» идеологизированного марксизма, приспособленного для решения новых политических задач.

Плеханов, конечно, был слишком умен и талантлив, чтобы опускаться до стопроцентного догматизма и схоластики. Но и его не миновала эта опасность. Если, например, попытаться разработать курс истории экономической мысли, в том числе и отечественной, в соответствии с теми критериями и оценками, которые были выдвинуты Плехановым, то многие выдающиеся ученые (П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков, А.А.Богданов и многие другие) туда либо вовсе не попадут, либо попадут лишь как объект жесткой критики. Наука в этом случае потеряла бы очень много.

В начале XX в. определенные элементы марксистской экономической теории (например, представление Маркса о чисто механическом образовании меновых от-

ношений, как способов приравнивания одинаковых количеств труда, его концепция абсолютного обнищания и др.) перестали соответствовать новейшему уровню развития науки, Возникла объективная необходимость произвести модернизацию «защитного пояса» марксистской экономической теории, чтобы сохранить ее «жесткое ядро». Решением этой задачи занялись так называемые «ревизионисты», в том числе и отечественные. Я думаю, что предпринимавшиеся ими усилия по интегрированию марксистской экономической теории в общенаучный контекст начала XX в. были необходимы для сохранения ее жизненности в новых условиях. Особенно важно это было для России, где доминирование марксистской экономической теории с ее нетерпимостью ко всем другим альтернативным теориям еще на рубеже XIX-XX вв. приводило к усиливающейся изоляции, отрыву российской экономической науки от европейской. Один из русских «ревизионистов» С. Франк писал по этому поводу еще в 1900 г.: «вплоть до самого последнего времени вся наша оригинальная литература по теории политической экономии сводилась к популяризации учения Маркса. Мало того: несмотря на поток переводной литературы по всем отраслям общественных наук, наводнивший за последние годы наш книжный рынок, мы не имеем переводов трудов лучших современных теоретиков-экономистов. Все развитие теории политической экономии за последние 20-30 лет прошло незамеченным для нас, потому что не укладывалось в раз принятую схему теории Маркса; учения Кнуса, Менгера, Бем-Баверка, Джевонса, Маршалла и многих других остались до сих пор китайской грамотой для огромнейшей части нашей образованной публики, и если имена эти упоминаются в нашей журнальной литературе, то только для того, чтобы послать по их адресу резкие упреки в «отсталости» и «буржуазности», - эпитеты, которые до последнего времени прилагались впрочем у нас ко всем, кто имел смелость не ограничиваться выражением своего согласия с учением трех томов «Капитала», а заниматься самостоятельным исследованием тех же вопросов. Вряд ли нужно прибавлять, что европейская наука очень мало беспокоилась о нашей русской оценке ее и продолжала быстро подвигаться вперед по раз намеченному пути. И так как ... ортодоксальное осуждение никогда еще не могло задержать развития и распространения новых учений, если в них содержалось зерно истины - то в конце концов не европейской науке, а нам самим придется стыдиться нашей оценки». (Франк С. Теория ценности Маркса и ее значение. СПб. 1900. С. II-III). Если бы я не сказал, что эти слова были сказаны в 1900 г., то вполне можно было бы подумать, что они относятся к нашему совсем недавнему прошлому. В этом отношении на протяжении XX в. мало что изменилось. Монополия марксизма, как и всякая монополия, привела к загниванию и отставанию экономической науки в СССР.

Попытку «содействовать укреплению трудовой теории ценности в более скромной, но зато и более твердой позиции, с высоты которой она может, сохраняя дружественный нейтралитет, спокойно смотреть на рост и развитие других научных теорий» (Там же. С. 370), на рубеже XIX-XX вв. предпринял целый ряд видных русских ученых, среди них С. Франк и М.И. Туган-Барановский, взгляды которых по этому вопросу были подвергнуты жесткой критике Плехановым. Представляя ставшую вскоре знаменитой свою книгу «Основы политической экономии».

Т.-Б. писал: «...задача моя заключалась, между прочим, в том, чтобы показать на деле возможность синтеза между теорией предельной полезности и социальной точкой зрения марксизма» (Т.-Б. Социальная теория распределения. // Русская мысль. 1910. Январь. С. 101. В 1909 г. один из крупнейших русских экономистов того времени Вл. Дмитриев в рецензии на указанную книгу Туган-Барановского подчеркивал: «Само собой (разумеется – Л.Ш.), что никакого синтеза субъективной и объективной ценности эта формула (формула Туган-Барановского – Л.Ш.) не дает, да и не может дать...теория объективной (меновой) ценности в наиболее типичной ее форме (Рикардо) сознательно исключает явления субъективной (потребительной) ценности из предметов своего исследования, предоставляя их изучение другим научным дисциплинам, или другим отделам политической экономии» (Дмитриев Вл. Новый русский трактат по теории политической экономии. // Русская мысль. 1909. Ноябрь. С. 119). Надо сказать, что возможность такого синтеза категорически отвергалась прежде всего создателями теории предельной полезности. Бем-Баверк, например, писал: «Что в моих воззрениях на ценность, изложенных выше, нет ничего общего с так называемой трудовой теорией ценности, как она развивается у Рикардо, Родбертуса и Маркса, - это мне нечего и разъяснять внимательному читателю, тем более что в другом месте ...я уже подверг обстоятельной критике вышеупомянутое учение» (Бем-Баверк. Основы теории ценности хозяйственных благ. // Австрийская школа в политической экономии. М. 1992. С.299). Причины такого неприятия очевидны: ведь эти теории не просто различны, но прямо противоположны как в методологическом и теоретическом отношении, так и по социальной направленности. Можно сказать, что представители этих теорий стояли друг против друга по разные стороны баррикад. Плеханов как ортодоксальный марксист и как человек, взгляды которого сформировались еще в XIX в., также был сторонником этой непримиримой позиции. Надо сказать, однако, что столь развернутого анализа теории предельной полезности, как, например, взглядов Чернышевского или Родбертуса, он не дал, ограничившись лишь хлесткими характеристиками этой теории («теоретическое значение австрийской школы...равно нулю», «попятное движение в области мысли» (Плеханов. Соч. Т. V. С. 133), «бессодержательные рассуждения на «субъективные» темы» (Там же. С. 134), «софисты низшей пробы» (Плеханов. Соч. Т. XI. С. 94), «Бастия наших дней» (Плеханов. Соч. Т. XI. С. 273), «беспредельная бесполезность того критического похода против Маркса, который был предпринят» Бем-Баверком» (Плеханов. О книге Франка. // Плеханов. Соч. Т. XI. С.356, «сплошная путаница понятий» (Там же. С. 361)). Единственной работой, где он не ограничивается беглыми замечаниями по адресу этой теории, является десятистраничная рецензия на книгу С.Франка объемом 370 страниц. Здесь он дает критику широко распространенного в конце XIX – начале XX вв. представления о противоречии между I и III томами «Капитала» К.Маркса, Критике подвергается и утверждение Франка о том, что «субъективная ценность продуктов труда совпадает...с их трудовой ценностью...» (Франк. Теория ценности Маркса и ее значение. СПб. 1900. С. 234). В другой работе – предисловии к своей монографии о Чернышевском – Плеханов посвящает весьма краткий фраг-

мент указанию на глубокую ошибочность отвлечения австрийской школы от всех общественных отношений производства (Плеханов. Соч. Т.V. С. 133-134).

Литература, посвященная критике теории предельной полезности, весьма обширна. Не был апологетом этой теории и Франк. Он прямо отрицал возможность постижения законов дифференциации и объективизации коллективных оценок (а значит, в соответствии с его логикой, и меновых законов) «путем схематических арифметических расчетов, которые мы встречаем например у Менгера, Шеффле и Бем-Баверка», как и «путем более сложных, но столь же схематических математических вычислений и построений, «кривых спроса и предложения», которые нам дает в изобилии так называемая математическая школа» (Франк. Теория ценности Маркса... С.355-356). Разбирая монографию Франка, Плеханов совершенно игнорирует такого рода оценки, тем самым создавая у читателей несколько одностроннее впечатление о концепции Франка. В других своих работах, например, при оценке взглядов Родбертуса, он был более объективен.

На рубеже XIX-XX вв. марксистская экономическая теория, в частности трудовая теория стоимости, подверглась очень серьезному критическому пересмотру. Далеко не на все возражения критиков удалось получить убедительный ответ даже от очень известных марксистов, включая Гильфердинга и Бухарина. В свое время Бем-Баверк писал, что марксистский закон стоимости «неоднократно уже опровергался с таким успехом, что кроме партии социалистов, - которая руководствуется в данном случае далеко не одними лишь чисто теоретическими соображениями, - у него едва ли еще найдутся теперь приверженцы» (Бем-Баверк. Основы теории ценности хозяйственных благ. Прибой. 1929. С. 110). Разумеется, это очень сильное преувеличение, особенно если учесть огромную популярность марксизма в России, да и не только в России в конце XIX и в XX веке. Но доля истины в этом утверждении есть. В конечном счете марксистская экономическая теория оказалась потесненной с лидирующих позиций в мировой экономической мысли (постепенно это происходит даже в Китае, о чем свидетельствует происходящая там острая дискуссия по вопросу о том, в каком соотношении должны находиться марксистская политэкономия и западный еconomics). Не в последнюю очередь это произошло потому, что, как заметил еще Франк, «последователи Маркса...вообще больше удивлялись его учению, чем разрабатывали его» (Франк. С. 356).

Способность отвечать на запросы времени, т.е. сохранять свою жизнеспособность, марксистская экономическая наука может лишь тогда и постольку, когда и поскольку она перестает представлять себя как единственно верное учение, по отношению к которому все другие теории достойны лишь более или менее острой критики; когда она сама идет навстречу другим научным направлениям. Именно такой является радикальная политическая экономия, в рамках которой используется целый ряд теоретических подходов, прежде всего посткейнсианский, марксистский, институционалистский и неорикардианский.

Вопрос об органическом синтезе трудовой теории стоимости и теории предельной полезности в дореволюционный период был поставлен, но решен не был. В советский период, естественно, подобная постановка вопроса была невозможна в принципе. Сейчас эта тема опять стала модной. О необходимости такого синтеза

рассуждают многие авторы, уже написаны кандидатская диссертация и монография, посвященные данной проблеме (может быть, даже не одна диссертация и монография). Попытки осуществить синтез указанных теорий содержатся в ряде современных учебников и учебных пособий, авторы которых ставят перед собой цель органически соединить политэкономия и экономикс, невзирая на глубокое качественное различие соответствующих научных традиций. Положительных результатов подобные попытки пока не принесли. Дальше механического соединения кусков разных теорий дело пока не пошло. В результате обычно получается нечто эклектическое. Дальнейшая подлинно научная разработка этого вопроса возможна лишь тогда, когда дискуссии начала XX в., в которых активное участие принимал и Георгий Валентинович Плеханов, будут тщательно изучены и им будет дана современная оценка.

Сопоставляя рассматриваемые две теории, можно сказать, что и теория предельной полезности имеет серьезные изъяны, и в классической форме трудовой теории стоимости многое устарело. Но надо помнить указание Лакатоса, что «путь к истине ведет через ряд постепенно улучшающихся ложных теорий» (Лакатос И. Методология исследовательских программ. М. 2003. С.369)

ПЛЕХАНОВ И ПОНЯТИЕ "ВОСТОЧНОГО ДЕСПОТИЗМА"

С.Х.Бэррон (Чэпел Хилл)

В статье 1967 года, примечательным образом озаглавленной "Плеханов о восточном деспотизме", Ю.Полевой отмечал, что в сталинскую эпоху литературное наследие Плеханова было "предано забвению, и его роль в развитии исторической науки умалялась или замалчивалась." Автор был неким флюгером, ибо в статье, опубликованной в 1954 году, Полевой сам "умалял" исторические взгляды Плеханова, утверждая, что это был "вариант реакционной мелкопоместно-буржуазной исторической концепции." Очевидно, климат политики и историографии менялся; и с этим было связано, помимо прочего, возрождение интереса к мышлению Плеханова. Мы еще поговорим об этом, но прежде следует выяснить, как и почему взгляды Плеханова были "преданы забвению".

Один ключ возвращает нас к решениям, зародившимся в конце 1920-х – 1930-х гг. В 20-х годах революционная активность в Китае побудила ряд советских марксистов обратить внимание на Азиатский Способ Производства – этот термин использовался попеременно с термином Восточный Деспотизм. Возникло разногласие относительно преобладания этого способа в Китае в прошлом. На конференции в 1931 г. в Ленинграде было провозглашено политически мотивированное решение об отрицании существования Азиатского Способа Производства. То, что раньше именовали так Маркс и Энгельс, теперь объявлялось сначала видом рабовладения, а затем – вариантом феодализма. В 1938 г. Сталин санкционировал эту позицию в главе «Истории ВКПб», где, перечисляя "пять главных типов производственных отношений", не назвал Азиатский Способ. Это обстоятельство не было направлено непосредственно на Плеханова. Тем не менее, оно развенчивало основной элемент его исторических взглядов. То есть – полилинейность исторического процесса, ко-